

Демография и рынок труда**ТРУДОВЫЕ ДОХОДЫ ДОЛГОСРОЧНЫХ
ИММИГРАНТОВ В РОССИИ:
ВЛИЯНИЕ ПЕРИОДА ПЕРЕЕЗДА****Евгения ПОЛЯКОВА**

Евгения Юрьевна Полякова —
младший научный сотрудник лаборатории
исследований рынка труда, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(РФ, 119049, Москва, ул. Шаболовка, 26);
старший преподаватель департамента
экономики, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург (РФ, 194100,
Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3)
E-mail: eypolyakova@hse.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние периода иммиграции (времени приезда) на разницу в трудовых доходах местного занятого населения России и двух когорт долгосрочных иммигрантов, переехавших в страну в 1990-е и 2000-е годы. К категории иммигрантов отнесены лица, родившиеся не в России и переселившиеся в страну после распада СССР (после 1991 года) в возрасте не моложе 18 лет. Для оценок использованы несбалансированные панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2010–2015 годы, применены регрессионный анализ по методу наименьших квадратов и модель с учетом случайных индивидуальных эффектов. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что трудовые доходы иммигрантов, приехавших в 2000-е годы, ниже не только трудовых доходов местного занятого населения, но и тех, кто переселился в страну ранее, в 1990-х. Найденные различия в трудовых доходах долгосрочных иммигрантов в зависимости от времени переезда могут объясняться двумя основными причинами. Во-первых, когорты различаются по длительности пребывания в стране. Лица, переехавшие в 1990-х, живут в России более длительное время, что положительно повлияло на их трудовые доходы по сравнению с иммигрантами 2000-х годов. Во-вторых, эти группы разнородны по социально-демографическим характеристикам. Лица, переселившиеся в 2000-е годы, в среднем менее квалифицированы, среди них меньшая доля обучавшихся в СССР по сравнению с теми, кто переехал в Россию ранее.

Ключевые слова: иммиграция, неравенство трудовых доходов, рынок труда.

JEL: J15, J31, J61.

Введение

После распада Советского Союза Россия стала страной, принимающей иммиграционные потоки со всего постсоветского пространства. В начале 1990-х годов часть населения бывших советских республик, идентифицирующая себя как этнические русские, вынужденно возвращалась в Россию по причине этнических и/или военных конфликтов в новых независимых государствах [Brubaker, 1994]. Более поздние иммиграционные потоки в Россию (2000-е годы) обусловлены в большей степени экономическими причинами. Падение уровня жизни во многих республиках бывшего СССР и сравнительное экономическое преимущество России вызвали масштабное переселение населения постсоветского пространства в страну [Chudinovskikh, Denisenko, 2017].

С учетом различных периодов и обстоятельств переезда часть иммигрантов могут отличаться от местного населения по производительным и культурным характеристикам, тогда как другая часть — быть более схожими с местным населением по тем же характеристикам, что будет влиять на их положение на рынке труда. Например, значительная доля иммигрантов, переехавших в Россию в 1990-е годы, была представлена этническими русскими¹. Система образования в СССР (по крайней мере школьная) была единой во всех частях страны. Окончившие школу, например, в Таджикской ССР имели примерно те же компетенции, что и окончившие школу в РСФСР, — при прочих равных условиях. Русский язык в советских школах изучался в обязательном порядке и в повседневной жизни использовался как язык межнационального общения [Anderson, Silver, 1984], то есть лица, обучавшиеся в советское время, владели им.

Более поздние иммиграционные потоки состояли в основном из этнически нерусского населения [Карачурина, 2013], проходившего обучение в новых независимых государствах, где система школьного образования отличалась от российской. Кроме того, не во всех постсоветских странах сохранилось преподавание русского языка в школах в прежнем объеме. Например, в Таджикистане в 2007 году на нем обучались всего 2,6% учеников [Усмонов, 2014], а к 2011 году в этой стране было закрыто восемьдесят из ста русскоязычных школ [Боришполец, 2014].

Исследования, посвященные иммигрантам на российском рынке труда, сосредоточены в основном на временных иностранных работниках. Во многом это объясняется доступными для

¹ Богдавленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>.

анализа данными. Имеющиеся результаты свидетельствуют, что в России иностранные работники проигрывают по уровню средней заработной платы местному занятому населению [Вакуленко, Леухин, 2016; Зайончковская и др., 2010; Локшин, Чернина, 2013; Commander, Denisova, 2012]. В отечественных исследованиях не уделялось должного внимания долгосрочным иммигрантам на российском рынке труда, а период переезда не рассматривался как параметр, влияющий на разрыв в трудовых доходах между ними и местным занятым населением. Иммигранты, длительно пребывающие в России и даже получившие гражданство, не всегда разделяют культуру и традиции принимающей страны, нередко с трудом интегрируются и становятся полноправными членами принимающего общества.

Цель настоящего исследования — определить размер разрыва в трудовых доходах между местным занятым населением и двумя когортами долгосрочных иммигрантов. Для анализа использованы несбалансированные панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

1. Обзор литературы

Результаты эмпирических работ, выполненных на данных зарубежных стран, указывают, что трудовые доходы иммигрантов зачастую ниже, чем у местного населения [Aldashev et al., 2012; Barret, McCarthy, 2007; Borjas, 2015; Demoussis et al., 2010; Lehmer, Ludsteck, 2010]. Исследования дают возможность выявить несколько основных причин разрыва в трудовых доходах между этими двумя группами.

Во-первых, иммигранты и местное население могут различаться по уровню и качеству накопленного человеческого капитала, и это будет оказывать влияние на их заработную плату [Aldashev et al., 2012; Becker, 1964; Demoussis et al., 2010; Mincer, 1997]. Индивиды с одинаковым накопленным человеческим капиталом при прочих равных условиях должны иметь одинаковый уровень трудовых доходов [Becker, 1964]. Если иммигранты на рынке труда в среднем менее образованны, чем местное население, их трудовые доходы в среднем ниже, чем трудовые доходы местной рабочей силы [Aldashev et al., 2012; Borjas, 2015].

Во-вторых, имеются ненаблюдаемые или трудно учитываемые индивидуальные характеристики (способности, качество образования и т. п.), которые различаются для иммигрантов и местного населения [Hofer et al., 2017; Lehmer, Ludsteck, 2010]. Ненаблюдаемые способности индивидов оказывают влияние на уровень их

трудовых доходов, создавая разрыв в этом отношении между иммигрантами и местным населением.

В-третьих, определенные группы иммигрантов могут подвергаться дискриминации на рынке труда принимающих стран [Husted et al., 2000; Lehmer, Ludsteck, 2010]. Работодатели устанавливают барьеры для доступа иммигрантов к высокооплачиваемым рабочим местам или нанимают их за меньшую заработную плату [Nielsen et al., 2004]. Как следствие, трудовые доходы иммигрантов будут ниже, чем у местной рабочей силы. Причинами подобного дискриминационного поведения являются как предубеждения, так и недостаток информации, например о квалификации и уровне производительности иммигрантов [Becker, 1957].

Результаты эмпирических исследований, выполненных за рубежом, свидетельствуют также о том, что социально-демографические характеристики иммигрантов различаются в зависимости от времени их переезда в страну проживания [Borjas, 1995; Lemos, 2013]. Исследование на данных США показало, что лица, переехавшие в страну в 1990-е годы, обладали меньшей квалификацией по сравнению с более ранними когортами. Их начальные трудовые доходы были ниже, чем у местного населения, на 38%, тогда как начальные трудовые доходы иммигрантов, прибывших в США в 1965–1969 годах, — всего на 18% ниже, чем у местного населения [Borjas, 1995].

В Великобритании разрыв в трудовых доходах двух групп тоже зависел от года переезда иммигрантов. Начальные трудовые доходы тех, кто прибыл в 2000-е годы, были на 30% меньше, чем у местного занятого населения. Индивиды, переехавшие в Великобританию ранее, в 1945–1949 годах, имели начальные трудовые доходы на 60% ниже, чем местная рабочая сила [Lemos, 2013].

Российские исследования по дифференциации трудовых доходов проводились в основном для временных иностранных работников. Выявлено, что иммигранты зарабатывают меньше россиян, занятых на схожих рабочих местах [Григорьева, Мукомель, 2014]. Согласно выборочным опросам Центра миграционных исследований, заработная плата временных трудовых иммигрантов была на 10–15% ниже, а в кризисный период — на 21% ниже, чем у российских граждан [Зайончковская и др., 2010]. Оценки, проведенные на данных по иммиграционным квотам, показали, что средняя заработная плата иностранных работников в России ниже, чем местных [Commander, Denisova, 2012]. Дифференциация заработных плат между двумя группами в 2009–2013 годах в среднем составила 40% [Вакуленко, Леухин, 2016]. Временные трудовые иммигранты из Таджикистана также проигрывали по заработной плате российским работникам: в 2007 году межгруп-

повой разрыв составлял 37%, в 2009-м — 45% [Локшин, Чернина, 2013].

При этом в существующих исследованиях не анализировалось соотношение трудовых доходов долгосрочных иммигрантов с учетом их когорты и трудовых доходов местной рабочей силы. В настоящей статье восполняется указанный пробел.

2. Данные

Для оценки разрыва в трудовых доходах иммигрантов и местного занятого населения использовались несбалансированные панельные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010–2015 годы. В выборку вошли мужчины в возрасте от 18 до 60 лет и женщины в возрасте от 18 до 55 лет, которые удовлетворяли хотя бы одному из условий: имели постоянную работу, выполняли какую-либо оплачиваемую работу за последние 30 дней, находились в оплачиваемом отпуске (кроме отпуска по уходу за ребенком), пребывали в неоплачиваемом отпуске. Численность иммигрантов для этой выборки определялась на основе ответов на вопросы: «В какой республике бывшего СССР вы родились?» и «С какого года вы постоянно живете в Российской Федерации?»

К группе иммигрантов относились респонденты, родившиеся не в России и переехавшие в страну после распада СССР в возрасте не моложе 18 лет. В исследовании не рассматривались лица, приехавшие в страну в детском возрасте (до 18 лет), поскольку высока вероятность, что они получили школьное образование в России, а это положительно сказалось бы на их трудовых доходах [Eckstein, Weiss, 2004.]

К местному населению относились респонденты, рожденные в России. Респонденты, не ответившие на вопрос о стране рождения, но указавшие, что проживают в том населенном пункте в России, где они родились, были также отнесены к местному населению.

Следует отметить, что информация о стране рождения респондентов доступна только до 2012 года, а информация о годе их переезда в Россию есть в волнах 2010–2015 годов. Отсутствующие сведения за 2013–2015 годы о стране рождения опрошенных были восстановлены из предыдущих волн.

Общий размер выборки для 2010–2015 годов составил 12 629 респондентов (29 044 наблюдения) с учетом пропущенных значений. Доля иммигрантов составила 3% от общего числа респондентов. Из них 63% переехали в Россию в 1990-е годы, 37% — в 2000-е.

Предполагалось, что время переезда иммигрантов в Россию может оказывать влияние на величину разрыва в трудовых доходах между ними и местным населением. С одной стороны, среди

лиц, прибывших в Россию в начале 1990-х годов, был значительный процент беженцев. Их положение на российском рынке труда может отличаться от положения иммигрантов, переехавших по другим причинам. Для беженцев решение о переезде в ту или иную страну вызвано угрозами для жизни и/или здоровья, а не стремлением повысить уровень доходов [Degler et al., 2017; Konle-Seidl, Bolits, 2016]. С другой стороны, среди лиц, переехавших в Россию в 1990-е годы, могла быть значительная доля тех, кто получил образование в Советском Союзе. В СССР существовала единая школьная система обучения во всех союзных республиках, важной составляющей которой было преподавание русского языка [Anderson, Silver, 1984; Matthews, 2012].

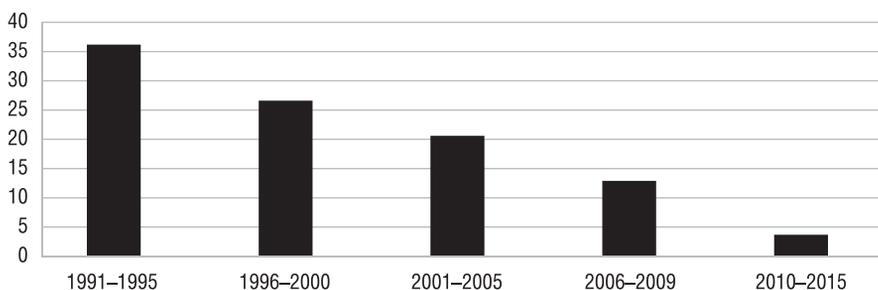
Системы обучения в новых независимых государствах, возникших после распада СССР, уже не представляли собой единого целого. Кроме того, не во всех постсоветских республиках русский язык остался языком повседневного общения, не везде сохранилось его преподавание в школах в прежнем объеме. Слабые языковые навыки у иммигрантов, а также качество полученного образования могут оказывать негативное влияние на их трудовые доходы.

3. Основные описательные статистики

В разделе описываются профили двух когорт иммигрантов, а также представлены результаты сравнительного анализа этих групп и местного занятого населения. Описание переменных, используемых для анализа, представлено в Приложении (табл. П1).

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, большинство иммигрантов переехали в Россию в 1991–1995 годах (36,2%). Доля лиц, переехавших после 2010 года, была в выборке наименьшей и составила всего 3,7% (рис. 1).

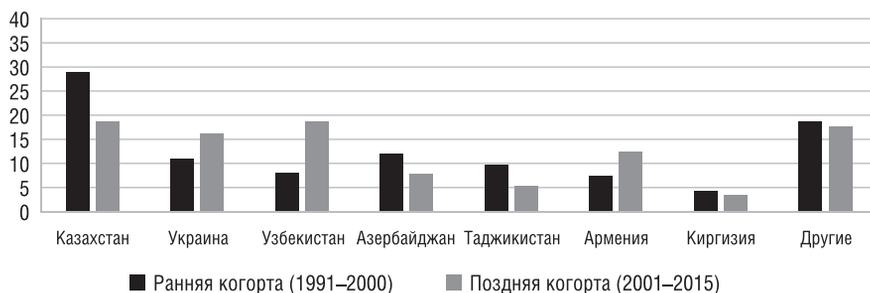
Основными странами происхождения иммигрантов являются Казахстан и Украина. Однако доля лиц, родившихся в Казахста-

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/rf/ms/spss>.

Рис. 1. Распределение иммигрантов в зависимости от времени переезда в Россию (%)

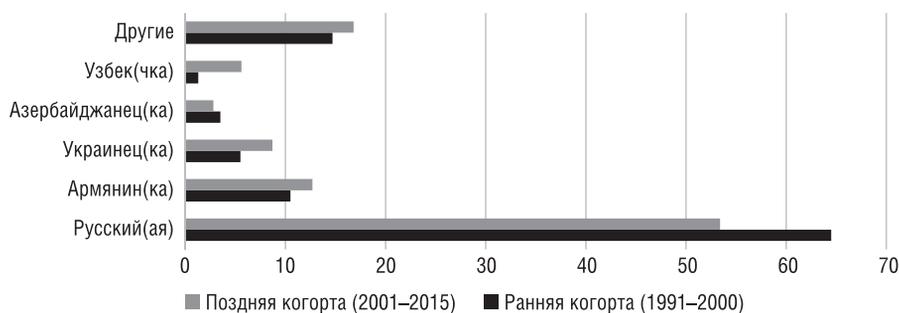
не, но живущих в России, гораздо больше среди тех, кто переехал в страну в 1990-е, чем среди более поздних иммиграционных потоков. При этом доля выходцев с Украины, напротив, увеличилась в 2000-е годы по сравнению с 1990-ми (рис. 2).

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/r/ms/spss>.

Рис. 2. Распределение двух когорт иммигрантов по странам происхождения (%)

Преобладающей этнической группой среди иммигрантов из ранней когорты являлись русские (64,5%). Среди лиц, переехавших в Россию в 2000-е годы, доля русских существенно снизилась (на 11%), но значительно увеличилась доля узбеков (на 4%) (рис. 3).

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/r/ms/spss>.

Рис. 3. Распределение двух когорт иммигрантов по этнической принадлежности (самоидентификации) (%)

Иммигранты из ранней когорты переехали в страну в среднем в возрасте 27 лет и живут в ней семнадцать лет (табл. 1). В постсоветский период значительная часть иммигрантов получали гражданство РФ в довольно короткий срок. Так, из 9,6 млн мигрантов, переехавших на постоянное место жительства в Россию с 1992 года по 2013-й, около 8 млн имеют российское гражданство. Причем подавляющая часть соискателей (более 90%) становились гражданами России через полтора-два года (в упрощенном поряд-

Т а б л и ц а 1

**Сравнение иммигрантов двух когорт и местного занятого населения
по социально-демографическим характеристикам**

Переменная	Местное занятое население	Занятое население иностранного происхождения	
	среднее переменной (стандартное отклонение)	среднее переменной (стандартное отклонение)	
		когорта 1991–2000	когорта 2001–2015
Этнические русские (доля)	0,90 (0,29)	0,65*** (0,47)	0,53*** (0,49)
Срок проживания в России (лет)	—	16,95 (3,23)	6,92 (3,47)
Возраст переезда (лет)	—	27,61 (7,07)	29,5 (8,05)
Обучались в СССР (доля)	0,72 (0,45)	1,00*** (0,00)	0,77** (0,42)
Возраст (лет)	37,40 (10,36)	44,56*** (7,06)	36,37* (8,43)
Гендерная принадлежность (доля)	0,49 (0,49)	0,53* (0,49)	0,65*** (0,47)
Семейный статус (доля состоящих в браке или живущих совместно)	0,80 (0,39)	0,77** (0,42)	0,84 (0,37)
Наличие детей (доля)	0,66 (0,47)	0,80*** (0,40)	0,68 (0,46)
Образование (доля):			
общее среднее и ниже	0,09 (0,28)	0,13*** (0,34)	0,23*** (0,42)
начальное профессиональное	0,08 (0,27)	0,09 (0,28)	0,15*** (0,35)
среднее профессиональное	0,53 (0,49)	0,54 (0,32)	0,44*** (0,48)
высшее	0,30 (0,45)	0,24*** (0,42)	0,18*** (0,38)
Проживание в Москве и Московской области (доля)	0,07 (0,24)	0,11*** (0,30)	0,14*** (0,34)
Месячный трудовой доход (тыс. руб.)	16,44 (9,52)	18,62*** (10,83)	17,64** (9,98)
Продолжительность рабочего времени в месяц (часы)	175,50 (40,81)	185,11*** (53,06)	193,02*** (50,11)
Количество респондентов	12 275	204	150
Количество наблюдений	28 178	544	322

Примечание. * — $p < 10\%$; ** — $p < 5\%$; *** — $p < 1\%$.

ке) [Чудиновских, 2014]. Это позволяет сделать предположение о том, что, скорее всего, иммигранты из ранней когорты имеют гражданство страны пребывания.

Средний возраст иммигрантов, приехавших в 1990-е годы, составлял 44 года на момент опроса. Среди них было больше муж-

чин, преобладали лица со средним профессиональным образованием, около одной пятой имели высшее образование. Все иммигранты этой когорты как минимум один год обучались в СССР (табл. 1).

По-другому выглядит профиль иммигрантов, переехавших в Россию в 2000-х. Они приехали в страну в среднем в возрасте 29 лет и проживали в ней около семи лет (табл. 1). Доля пребывающих в России пять лет и более в этой группе превышала 70%. Это позволяет предположить, что значительная часть иммигрантов из когорты 2000-х также имеют российское гражданство.

Иммигранты поздней когорты младше, чем лица, переехавшие в страну в 1990-е годы. Их средний возраст составлял 36 лет на момент опроса. Среди них также преобладали мужчины, но они менее образованны, чем иммигранты ранней когорты. Кроме того, в группе ожидаемо гораздо меньше тех, кто обучался в СССР, чем в группе переселившихся в Россию в 1990-е годы (табл. 1).

Различия в человеческом капитале двух когорт иммигрантов отражались и на уровне их трудовых доходов. Среднемесячный уровень трудовых доходов (в ценах 2010 года) иммигрантов из когорты 1990-х был выше, чем из когорты 2000-х. При этом иммигранты из поздней когорты работали большее число часов в месяц, чем те, кто переселился в страну в 1990-е годы (табл. 1).

Результаты сравнения иммигрантов, переехавших в 1990-е годы, с местным занятым населением показали, что среди двух групп одинаковые доли индивидов с начальным или средним профессиональным образованием. Вместе с тем иммигранты из ранней когорты старше местного занятого населения, среди них выше доля мужчин, а также выше доля лиц с общим средним образованием, но ниже — с высшим образованием. Они чаще проживают в Москве и Московской области по сравнению с местной рабочей силой (табл. 1).

Напротив, иммигранты из поздней когорты в среднем на один год моложе, чем местное занятое население. Доли лиц со средним профессиональным образованием и с высшим образованием среди них ниже, а доля проживающих в Москве и Московской области — выше по сравнению с местной рабочей силой (табл. 1).

4. Эконометрическая модель

Для ответа на вопрос, влияет ли период переезда иммигрантов на их трудовые доходы, использовался регрессионный анализ по методу наименьших квадратов (pooled OLS) и с учетом случайных индивидуальных эффектов [Clark, Drinkwater, 2008]. Регрессия со случайными индивидуальными эффектами позволяет частич-

но учесть эффект ненаблюдаемых характеристик индивидов (например, способностей).

В качестве зависимой переменной в регрессионных моделях использовался логарифм часовых трудовых доходов. Для его расчета месячные трудовые доходы (приведенные к ценам 2010 года) были разделены на число отработанных часов в месяц.

В качестве объясняющих переменных, включенных в регрессии, выступали бинарная переменная для статуса респондента, принимающая значение 1, если индивид является иммигрантом, и перекрестная переменная, которая рассчитывалась как произведение статуса принадлежности к группе иммигрантов и бинарной переменной для когорты иммигрантов. Также контролировались социально-демографические характеристики респондентов: гендерная принадлежность, возраст и его квадрат, четыре уровня образования, семейный статус, наличие детей, страна получения образования (респондент обучался в СССР), регион проживания. Кроме того, в модель были включены фиктивные бинарные переменные для каждого года (временные эффекты).

Прокси-переменная для образования, полученного в СССР, рассчитывалась на основании года рождения респондента. Предполагалось, что если на момент распада Советского Союза респонденту было девять лет или больше, он как минимум один год обучался в СССР. Описание остальных переменных представлено в Приложении (табл. П1).

На основании проведенных расчетов получены оценки, которые позволяют судить о разрыве в трудовых доходах между местной рабочей силой и иммигрантами, переехавшими в Россию в 1990-е (коэффициент при бинарной переменной «Статус респондента») и в 2000-е годы (коэффициент при бинарной переменной «Статус респондента» плюс коэффициент при перекрестной переменной). Из-за того что зависимая переменная представлена в логарифмической форме, эффект контрольных переменных рассчитывался по формуле

$$(e^D - 1) \times 100\%,$$

где D — коэффициент при бинарной переменной.

5. Результаты исследования

Результаты расчетов показали, что в большинстве рассматриваемых моделей трудовые доходы иммигрантов из когорты 1990-х выше, а из когорты 2000-х — ниже трудовых доходов местного занятого населения России.

Т а б л и ц а 2

**Период переезда иммигрантов и разрыв в трудовых доходах
между ними и местным занятым населением России**

Название переменной	Объединенная МНК-регрессия (кластеризованные робастные стандартные ошибки)		Регрессия со случайными индивидуальными эффектами (кластеризованные робастные стандартные ошибки)	
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4
Уровень образования (общее среднее и ниже являлись базовой категорией)				
начальное профессиональное	0,04** (0,01)	0,04** (0,01)	0,03*** (0,00)	0,03*** (0,00)
среднее профессиональное	0,12*** (0,01)	0,11*** (0,01)	0,11*** (0,01)	0,11*** (0,00)
высшее	0,38*** (0,01)	0,38*** (0,01)	0,34*** (0,01)	0,34*** (0,00)
Страна получения образования	-0,00 (0,00)	0,00 (0,00)	0,01*** (0,00)	0,02*** (0,00)
Возраст (лет)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)
Квадрат возраста	-0,01*** (0,00)	-0,01*** (0,00)	-0,01*** (0,00)	-0,01** (0,00)
Гендерная принадлежность	0,22*** (0,00)	0,22*** (0,01)	0,21*** (0,01)	0,22*** (0,01)
Семейный статус	-0,03*** (0,01)	-0,02*** (0,00)	-0,02*** (0,01)	-0,02*** (0,01)
Наличие детей	0,05*** (0,00)	0,05*** (0,00)	0,03*** (0,01)	0,03** (0,01)
Регион проживания	0,56*** (0,01)	0,56*** (0,01)	0,56*** (0,01)	0,57*** (0,01)
Иммигранты когорты 1991–2000 годов	-0,04*** (0,00)	0,05*** (0,00)	0,04*** (0,01)	0,05*** (0,01)
Произведение статуса принадлежности к группе иммигрантов и бинарной переменной для когорты 2001–2015 годов	-0,09*** (0,01)	-0,09*** (0,02)	-0,08*** (0,02)	-0,09*** (0,02)
Годы	да	да	да	да
Константа	3,74*** (0,02)	3,79*** (0,02)	3,76*** (0,01)	3,83*** (0,01)
Количество респондентов	12 629	11 721	12 629	11 721
Количество наблюдений	29 044	26 296	29 044	26 296
R ²	0,16	0,16	0,16	0,16

Примечания.

- * — $p < 10\%$; ** — $p < 5\%$; *** — $p < 1\%$. Несмотря на то что переменная «Страна получения образования» основана на возрасте респондента, она проходит тест на мультиколлинеарность (VIF test) в МНК-регрессиях.
- В подвыборку (модель 2 и модель 4) не вошли военнослужащие и лица, занятые в военно-промышленном комплексе, органах управления, армии, МВД, органах безопасности.

В частности, оценки регрессии с учетом случайных индивидуальных эффектов² свидетельствуют, что трудовые доходы иммигрантов из ранней когорты выше, чем у местного занятого населения России, в среднем на 4%. А трудовые доходы иммигрантов когорты 2000-х годов ниже, чем у местного занятого населения, на 3,9% (табл. 2, модель 3).

Результаты, полученные на подвыборке, также подтверждают, что трудовые доходы у иммигрантов из когорты 1990-х выше (на 5%), а из когорты 2000-х годов — ниже (на 3,9%), чем у местного занятого населения России (табл. 2, модель 4).

Различия в трудовых доходах иммигрантов по когортам могут объясняться несколькими причинами. Во-первых, стаж работы на российском рынке труда у индивидов из когорты 1990-х больше, чем из когорты 2000-х, что положительно сказалось на их трудовых доходах. Во-вторых, доля этнических русских выше среди лиц, переехавших в 1990-е годы, чем среди тех, кто переселился в страну в 2000-е годы. Предыдущие исследования показывают, что трудовые доходы этнических русских, рожденных не в России, но длительно в ней проживающих, в среднем выше, чем у местного занятого населения [Полякова, Смирных, 2016]. В-третьих, социально-демографические характеристики иммигрантов двух когорт различаются. Лица, переехавшие в 1990-е годы, в среднем более образованны, среди них большее число обучались в СССР по сравнению с теми, кто переехал в Россию позднее.

Заключение

Основным результатом работы является установление того факта, что трудовые доходы иммигрантов варьируются в зависимости от их когорты. Длительно пребывая в России (в среднем около семи лет), лица, переехавшие в 2000-х годах, проигрывают по уровню трудовых доходов не только местному занятому населению, но и тем, кто переселился в страну в 1990-х. С одной стороны, иммигранты ранней когорты живут в России более длительное время, а значит, могли накопить больше компетенций, необходимых для российского рынка труда, что стало оказывать положительное влияние на уровень их трудовых доходов по сравнению с иммигрантами из поздней когорты. С другой стороны, наблюдается изменение качества и уровня человеческого капитала иммигрантов более поздней когорты. Лица, переселившиеся

² Тест Бройша — Пангана на наличие случайных индивидуальных эффектов (Breusch and Pagan Lagrangian multiplier test for random effects) [Breusch, Pagan, 1980] показал, что для используемой выборки регрессия со случайными индивидуальными эффектами дает более состоятельные оценки по сравнению с объединенной МНК-регрессией. Prob > chi2 = 0,0000.

в Россию в 2000-х годах, в среднем менее образованны, среди них меньше обучавшихся в СССР, меньше доля этнических русских по сравнению с теми, кто переехал в страну ранее. Полученные оценки позволяют сделать предположение об изменении этнической композиции, а также уровня и качества человеческого капитала иммигрантов с течением времени.

Одной из основных задач новой миграционной политики России³ является добровольное переселение в страну на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, способных успешно интегрироваться в российское общество. Однако увеличение потока иноэтничных иммигрантов, которые могут отличаться по уровню образования, а также по культурным и социальным традициям от основной массы местного населения России, требует выработки особых мер миграционной политики, направленных на социализацию, адаптацию и интеграцию приезжих. Если обеспечить полноценную интеграцию в российское общество иноэтничных иммигрантов не удастся, со временем это может привести к их социальной изоляции, что ограничит возможности для получения образования и реализации способностей, а значит, негативно повлияет на их трудоустройство на российском рынке.

Эмпирические исследования показывают, что высокая концентрация бедности, преступности и прочих проявлений социального неблагополучия зачастую наблюдается в районах компактного проживания иммигрантов, что может способствовать нестабильности в стране и приводить к волнениям и беспорядкам [Elliott, Sims, 2001]. Примером негативных последствий являются уличные беспорядки во Франции (октябрь — ноябрь 2005 года), в которых принимало участие население, не рожденное в стране, но длительное время проживающие в ней и имеющее французское гражданство.

Вместе с тем остается еще много вопросов, связанных с причинами различий в трудовых доходах иммигрантов разных когорт. Так, например, непонятно, является ли найденный разрыв в трудовых доходах иммигрантов из поздней когорты и местным занятым населением результатом дискриминации и неравного доступа иммигрантов к определенным рабочим местам. Остается также неясным, какая из возможных причин различий в трудовых доходах иммигрантов по когортам является доминирующей. Поставленные вопросы требуют дальнейшего изучения и исследования.

³ Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31.10.2018. <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>.

Приложение

Таблица П1

**Описание основных переменных,
используемых в спецификациях эмпирических моделей**

Переменная	Значение
Продолжительность рабочего времени в месяц	Сколько часов работник фактически отработал по основному месту работы в течение последних 30 дней
Трудовой доход (в ценах 2010 года)	Сколько всего денег в течение последних 30 дней работник получил лично
Страна рождения	Формировалось на основании вопроса «Скажите, пожалуйста, в какой республике бывшего СССР вы родились?»
Срок проживания в стране	Формировалось на основании вопроса «С какого года вы постоянно живете в Российской Федерации?»
Статус принадлежности к группе иммигрантов	1 — респондент родился не в России и переехал в страну после 1991 года в возрасте 18 лет и старше 0 — респондент родился в России
Когорта иммигрантов	1 — респондент переехал в Россию в 2001–2010 годах 0 — респондент переехал в Россию в 1991–2000 годах
Этническая принадлежность	Формировалось на основании вопроса «Кем вы себя считаете по национальности (этничности)?»
Страна получения образования	Прокси-переменная для образования, полученного в СССР, рассчитывалась как 1991 минус год рождения респондента. Если на момент распада СССР респонденту было девять лет и больше, предполагалось, что он как минимум один год обучался в СССР
Четыре уровня образования	Для каждого уровня образования создана бинарная переменная, где 1 — максимально достигнутый уровень образования респондентов. В расчетах общее среднее образование используется как базовая категория
Общее среднее	1 — респондент окончил только среднюю школу 0 — респондент имеет уровень образования выше среднего общего образования
Начальное/среднее профессиональное образование	1 — респондент имеет начальное / среднее профессиональное образование 0 — респондент имеет или высшее образование, или только общее среднее образование
Высшее образование	1 — респондент окончил высшее учебное заведение 0 — респондент имеет или только общее среднее образование, или начальное / среднее профессиональное образование
Возраст	Возраст респондентов (лет)
Гендерная принадлежность	1 — мужчина 0 — женщина
Проживание в Москве и Московской области	1 — Москва и Московская область 0 — все остальные регионы
Семейный статус	1 — респондент находится в браке (включает тех, кто состоит в браке и проживает вместе с партнером, и тех, кто не состоит в браке, но проживает с партнером) 0 — респондент не состоит в официальном или неофициальном браке или состоит в зарегистрированном браке, но проживает отдельно
Наличие детей	1 — наличие у респондента как минимум одного ребенка 0 — отсутствие детей

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/rlms/spss>.

Литература

1. *Боришполец К. П.* Русский язык в Центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. Т. 35. № 2. С. 63–70.
2. *Вакуленко Е. С., Леухин Р. С.* Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 121–142.
3. *Григорьева К. С., Мукомель В. И.* Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Московское бюро по правам человека, 2014. С. 82–99.
4. *Карачурина Л. Б.* Миграция в постсоветских странах // Миграция в России. 2000–2012: Хрестоматия в 3 т. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. С. 451–468.
5. *Локишин М. М., Чернина Е. М.* Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 41–74.
6. *Полякова Е. Ю., Смирных Л. И.* Дифференциация трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым: имеет ли значение этничность? // Прикладная эконометрика. 2016. Т. 43. № 3. С. 52–72.
7. *Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б., Иванова Т. Д.* Миграция и демографический кризис в России. М.: МАКС Пресс, 2010.
8. *Усмонов Р. А.* Таджикистан: история языковой независимости // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2014. № 5. С. 74–90.
9. *Чудиновских О. С.* О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. // Демографическое обозрение. 2014. № 3. С. 65–126.
10. *Aldashev A., Gernandt J., Thomsen S.* The Immigrant-Native Wage Gap in Germany // Journal of Economics and Statistics. 2012. Vol. 232. No 5. P. 490–517.
11. *Anderson B. A., Silver B. D.* Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No 4. P. 1019–1039.
12. *Barrett A., McCarthy Y.* Immigrants in a Booming Economy: Analysing Their Earnings and Welfare Dependence // Labour. 2007. Vol. 21. No 4–5. P. 789–808.
13. *Becker G.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1964.
14. *Becker G.* The Economics of Discrimination. Chicago: University of Chicago Press, 1957.
15. *Borjas G.* Assimilation and Changes in Cohort Quality Revisited: What Happened to Immigrant Earnings in the 1980s? // Journal of Labor Economics. 1995. Vol. 13. No 2. P. 201–245.
16. *Borjas G.* The Slowdown in the Economic Assimilation of Immigrants: Aging and Cohort Effects Revisited Again // Journal of Human Capital. 2015. Vol. 9. No 4. P. 483–517.
17. *Breusch T., Pagan A.* The Lagrange Multiplier Test and Its Applications to Model Specification in Econometrics // Review of Economic Studies. 1980. Vol. 47. No 1. P. 239–253.
18. *Brubaker R.* Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society. 1994. Vol. 23. No 1. P. 47–78.
19. *Chudinovskikh O., Denisenko M.* Russia: A Migration System with Soviet Roots // Migration Information Source. 2017. May. <https://www.migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots>.
20. *Clark K., Drinkwater S.* The Labour-Market Performance of Recent Migrants // Oxford Review of Economic Policy. 2008. Vol. 24. No 3. P. 495–516.
21. *Commander S., Denisova I.* Are Skills a Constraint on Firms? New Evidence from Russia. IZA Discussion Papers. No 7041. 2012.
22. *Degler E., Liebig T., Senner A. S.* Integrating Refugees into the Labour Market — Where Does Germany Stand? // DICE Report. 2017. Vol. 15. No 3. P. 6–10.
23. *Demoussis M., Giannakopoulos N., Zografakis S.* Native-Immigrant Wage Differentials and Occupational Segregation in the Greek Labour Market // Applied Economics. 2010. No 42(8). P. 1015–1027.

24. *Eckstein Z., Weiss Y.* On the Wage Growth of Immigrants: Israel, 1990–2000 // *Journal of the European Economic Association*. 2004. Vol. 2. No 4. P. 665–695.
25. *Elliott J. R., Sims M.* Ghettos and Barrios: The Impact of Neighborhood Poverty and Race on Job Matching Among Blacks and Latinos // *Social Problems*. 2001. Vol. 48. No 3. P. 341–361.
26. *Hofer H., Titelbach G., Winter-Ebmer R., Ahammer A.* Wage Discrimination Against Immigrants in Austria? // *Labour*. 2017. Vol. 31. No 2. P. 105–126.
27. *Konle-Seidl R., Bolits G.* Labour Market Integration of Refugees: Strategies and Good Practices. Brussels: European Parliament, 2016.
28. *Lehmer F., Ludsteck J.* The Immigrant Wage Gap in Germany: Are East Europeans Worse Off? // *International Migration Review*. 2011. Vol. 45. No 4. P. 872–906.
29. *Lemos S.* Immigrant Economic Assimilation: Evidence from UK Longitudinal Data Between 1978 and 2006 // *Labour Economics*. 2013. Vol. 24(C). P. 339–353.
30. *Matthews M.* Education in the Soviet Union: Policies and Institutions Since Stalin. L.: Routledge, 2012.
31. *Mincer J.* The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings: Variations on a Theme // *Journal of Labor Economics*. 1997. No 1. P. 26–47.
32. *Nielsen H., Rosholm M., Smith N., Husted L.* Qualifications, Discrimination, or Assimilation? An Extended Framework for Analyzing Immigrant Wage Gaps // *Empirical Economics*. 2004. Vol. 29. No 4. P. 855–883.

Ekonomicheskaya Politika, 2019, vol. 14, no. 5, pp. 62-79

Evgeniya Yu. POLYAKOVA. Laboratory for Labour Market Studies, National Research University Higher School of Economics (26, Shabolovka ul., Moscow, 119049, Russian Federation); Departments of Economics, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg (3, Kantemirovskaya ul., Saint Petersburg, 194100, Russian Federation).
E-mail: eypolyakova@hse.ru

The Earnings Differential Between Long-Term Immigrants and Natives in Russia: The Role of Cohorts

Abstract

In this paper the author analyzes the impact of immigration cohorts on the earnings differential between long-term immigrants and natives in Russia. The nationally representative data came from the Russian Longitudinal Monitoring Survey for 2010–2015. The main methods of empirical analysis in the study are ordinary least squares regression and the random effects model. The obtained results show that long-term immigrants who moved to Russia in the 2000s earn less on average than natives and those who moved to the country in the 1990s. The findings can be explained by two main reasons. On the one hand, cohorts differ in length of the residence period in the country. It is expected that immigrants who moved to Russia in the 1990s have been living in the country for a longer time and could have gained more competence and skills required for the Russian labor market. This, in turn, may positively affect their earnings. On the other hand, the two groups are quite heterogeneous in terms of human capital. Immigrants from the later cohort are less educated, and the share of ethnic Russian respondents among them is also lower compared to those who moved to the country in the 1990s. Distinctions in human capital lead to differences in earnings between the two groups of immigrants.

Keywords: immigrants, earnings differential, labor market.

JEL: J15, J31, J61.

References

1. Borishpolets K. P. Russkiy yazyk v Tsentral'no-aziatskom regione [Russian Language in Central Asia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO-University Bulletin]*, 2014, vol. 35, no. 2, pp. 63-70.
2. Vakulenko E. S., Leukhin R. S. Diskriminiruyutsya li inostrannye rabotniki na rossiyskom rynke truda? [Wage Discrimination Against Foreign Workers in Russia]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 121-142.
3. Grigoreva K. S., Mukomel V. I. Migranty i rossiyanе na rynke truda: usloviya, rezhim truda, zarabotnaya plata [Migrants and Russians in the Labor Market: Conditions, Labor Regime, Wage]. In: Mukomel V. I. (ed.). *Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika [Migrants, Migrantophobia and Migration Policy]*. Moscow, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, 2014, pp. 82-99.
4. Karachurina L. B. Migratsiya v postsovetских stranakh [Migration in Post-Soviet Countries]. *Migratsiya v Rossii. 2000-2012. Khrestomatiya v 3 t. [Migration in Russia. 2000-2012. Compilation in 3 Vols.]*. Moscow, Spetskniga, 2013, vol. 1, pp. 451-468.
5. Lokshin M. M., Chernina E. M. Migranty na rossiyskom rynke truda: portret i zarabotnaya plata [Migrants on the Russian Labor Market: Profile and Earnings]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal]*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 41-74.
6. Polyakova E. Yu., Smirnykh L. I. Differentsiatsiya trudovykh dokhodov mezhdu mestnymi rabotnikami i individami s immigratsionnym proshlym: imeet li znachenie etnichnost'? [The Earning Differential Between Natives and Individuals with Immigrant Background in Russia: the Role of Ethnicity]. *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 52-72.
7. Zayonchkovskaya Z. A., Tyuryukanova E. V., Florinskaya Yu. F., Mkrtychyan N. V., Karachurina L. B., Ivanova T. D. *Migratsiya i demograficheskii krizis v Rossii [Migration and the Demographic Crisis in Russia]*. Moscow, MAKS Press, 2010.
8. Usmonov R. A. Tadjikistan: istoriya yazykovoy nezavisimosti [Tajikistan: the History of Linguistic Independence]. "Belye pyatna" rossiyskoy i mirovoy istorii ["White Spots" of the Russian and World History], 2014, no. 5, pp. 74-90.
9. Chudinovskikh O. S. O politike i tendentsiyakh priobreteniya grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii v period s 1992 po 2013 g. [Policies and Trends in Acquiring Citizenship of the Russian Federation in 1992-2013]. *Demograficheskoye obozrenie [Demographic Review]*, 2014, no. 3, pp. 65-126.
10. Aldashev A., Gernandt J., Thomsen S. The Immigrant-Native Wage Gap in Germany. *Journal of Economics and Statistics*, 2012, no. 5, pp. 490-517.
11. Anderson B. A., Silver B. D. Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934-1980. *American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 4, pp. 1019-1039.
12. Barrett A., McCarthy Y. Immigrants in a Booming Economy: Analyzing Their Earnings and Welfare Dependence. *Labour*, 2007, vol. 21, no. 4, pp. 789-808.
13. Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1964.
14. Becker G. *The Economics of Discrimination*. Chicago, University of Chicago Press, 1957.
15. Borjas G. Assimilation and Changes in Cohort Quality Revisited: What Happened to Immigrant Earnings in the 1980s? *Journal of Labor Economics*, 1995, vol. 13, no. 2, pp. 201-245.
16. Borjas G. The Slowdown in the Economic Assimilation of Immigrants: Aging and Cohort Effects Revisited Again. *Journal of Human Capital*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 483-517.
17. Breusch T., Pagan A. The Lagrange Multiplier Test and Its Applications to Model Specification in Econometrics. *Review of Economic Studies*, 1980, no. 47, pp. 239-253.
18. Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. *Theory and Society*, 1994, vol. 23, no. 1, pp. 47-78.
19. Chudinovskikh O., Denisenko M. Russia: A Migration System with Soviet Roots. *Migration Information Source*, 2017, May. <https://www.migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots>.

20. Clark K., Drinkwater S. The Labour-Market Performance of Recent Migrants. *Oxford Review of Economic Policy*, 2008, vol. 24, no. 3, pp. 495-516.
21. Commander S., Denisova I. Are Skills a Constraint on Firms? New Evidence from Russia. *IZA Discussion Papers*, no. 7041, 2012.
22. Degler E., Liebig T., Senner, A. S. Integrating Refugees into the Labour Market - Where Does Germany Stand? *DICE Report*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 6-10.
23. Demoussis M., Giannakopoulos N., Zografakis S. Native-Immigrant Wage Differentials and Occupational Segregation in the Greek Labour Market. *Applied Economics*, 2010, no. 42(8), pp. 1015-1027.
24. Eckstein Z., Weiss Y. On the Wage Growth of Immigrants: Israel, 1990-2000. *Journal of the European Economic Association*, 2004, vol. 2, no. 4, pp. 665-695.
25. Elliott J. R., Sims M. Ghettos and Barrios: The Impact of Neighborhood Poverty and Race on Job Matching Among Blacks and Latinos. *Social Problems*, 2001, vol. 48, no. 3, pp. 341-361.
26. Hofer H., Titelbach G., Winter-Ebmer R., Ahammer A. Wage Discrimination Against Immigrants in Austria? *Labour*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 105-126.
27. Konle-Seidl R., Bolits G. *Labour Market Integration of Refugees: Strategies and Good Practices*. Brussels, European Parliament, 2016.
28. Lehmer F., Ludsteck J. The Immigrant Wage Gap in Germany: Are East Europeans Worse Off? *International Migration Review*, 2011, vol. 45, no. 4, pp. 872-906.
29. Lemos S. Immigrant Economic Assimilation: Evidence from UK Longitudinal Data Between 1978 and 2006. *Labour Economics*, 2013, vol. 24(C), pp. 339-353.
30. Matthews M. *Education in the Soviet Union: Policies and Institutions Since Stalin*. L., Routledge, 2012.
31. Mincer J. The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings: Variations on a Theme. *Journal of Labor Economics*, 1997, vol. 15, no. 1, pp. 26-47.
32. Nielsen H., Rosholm M., Smith N., Husted L. Qualifications, Discrimination, or Assimilation? An Extended Framework for Analyzing Immigrant Wage Gaps. *Empirical Economics*, 2004, no. 29, pp. 855-883.